

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ

М.В. Строганов¹

Тверской государственной университет

СНОВА О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЗИЦИИ ГРИБОЕДОВА

В статье литературная позиция А.С. Грибоедова анализируется с точки зрения литературоведения как человековедения, и все собственно литературоведческие категории реализуются в творчестве через литературный быт, так что в литературной борьбе участвуют не члены Беседы и «Арзамаса», а конкретные люди с конкретными характерами.

Ключевые слова: Грибоедов, литературоведение как человековедение, литературный быт, литературная позиция, архаисты, «Арзамас».

M. V. Stroganov

Tver State University

GRIBOEDOV'S LITERARY POSITION REVISITED

Griboedov's literary position is discussed in the article in the aspect of literary criticism viewed as human studies and all categories of purely literary studies are implemented in the writer's works by means of everyday literary events and facts. As a result, literary strife embraces not only members of literary circles "Arzamas" and "Beseda" (Lovers of the Russian Word, Russian *Beseda lyubitelei russkogo slova*), but also particular people with their own specific characters.

Keywords: Griboedov, literary criticism as human studies, mode of life in literature, literary position, archaists, "Arzamas" literary circle.

В настоящем выступлении я надеюсь завершить свой анализ литературной позиции раннего Грибоедова с той точки зрения,

¹ Строганов Михаил Викторович – доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета

которую я называю *литературоведение как человековедение* и методологическое обоснование которой я дал в предшествующих своих выступлениях [Строганов, 1995-1996; Строганов, 1997; Строганов, 2008; Строганов, 2009; Строганов, 2010].

Позитивистское литературоведение предполагает соотношение литературного ряда только с общественно значимой жизнью. Частная же жизнь, быт кажутся мелкими и недостойными внимания. Между тем практически все общественные практики реализуются именно в сфере быта и именно через сферу быта оказывают влияние на общественное сознание.

Современная история литературы в лице так называемого «нового историзма» стремится соединить обе эти сферы жизни: общественно значимую и частную, бытовую. Но делает это, как можно судить, недостаточно продуктивно. Как я представляю, метод литературоведения как человековедения позволяет подойти к той же самой материи с более тонким инструментарием. Но он требует детализированного анализа материала, что доступно лишь при большой исторической оснащенности исследователя.

1

Как я уже неоднократно писал, молодой Грибоедов ведет очень активную литературную жизнь. Кажется, что литература поглощает его целиком, все его интересы, что даже несколько странно для молодого человека, который должен был бы уделять большее внимание пирушкам и амурным, а не литературным делам. Грибоедов, конечно, уделял внимание и этим сторонам жизни, но говорил и писал только о литературе.

В предыдущем очерке мы анализировали литературную деятельность и литературное поведение Грибоедова второй половины 1817-го – первой половины 1818 г.; сейчас мы внесем в это описание несколько дополнительных комментариев. Напомним, что не ранее начала июля – до 5 августа 1817 г. Грибоедов вместе с П.А. Катениным написал комедию «Студент», в которой возвращается к литературной полемике архаистов и арзамасцев. Необычность этой вещи состоит в том, что литературная позиция Беневольского обличает в нем арзамасца, карамзиниста, а опорные элементы его биографии указывают на М.Н. Загоскина, сторонника А.А. Шаховского, следовательно, архаиста [см. об этом: Строганов, 2009]. Это соединение в одном персонаже карамзинизма и шишковизма вовсе не означает стремления к их синтезу. Но это значит, что личность того или иного автора в ряде случаев оказывается более актуальной, чем

его литературная позиция. Ну, не любит Грибоедов Загоскина, который с давних пор перебегает ему дорогу, и поэтому – долой Загоскина! Литературная позиция как таковая тут ни при чем, и мы видели уже это с самого 1815 г.

5 августа 1817 г. Катенин в составе сводного гвардейского полка отбыл в Москву, где у него произошла литературная ссора с К.Н. Батюшковым, о которой нам известно из двух писем арзамасцев. Д.В. Давыдов, отвечая на вопросы П.А. Вяземского, который жил в это время в Варшаве, писал ему 28 июля 1818 г. из своего украинского поместья Умань: «Я вчера получил письмо от Федора Толстого, между прочим, он мне описывает свои ужины, но не говорит о ссоре Катенина с Батюшковым за тебя, а ты знаешь, что о таком приключении Толстой не промолчит» [«Арзамас», 1994, т. 2, с. 422]. Странно, но Ф.И. Толстой на этот раз не оправдал свою репутацию и промолчал. Не промолчал другой вестовщик – В.Л. Пушкин, который, собственно, и сообщил впервые П.А. Вяземскому об этой ссоре 8 июня 1818 г.: «Батюшков здесь. Мы часто бываем вместе и пьем шампанское как воду. В прошедший понедельник Американец Толстой давал нам ужин. Стешка с своими подругами отличилась и восхитила нас. До ужина, который был великолепный, мы спорили о литературе; Батюшков сразился с Катениным и чуть было не подрались – но шампанское всех примирило, и мы у Толстого просидели до пяти часов утра» [Пушкин Василий, 1989, с. 228]. В. Пушкин, как видим, не говорит, что ссора Батюшкова и Катенина произошла по поводу Вяземского, но тот догадался об этом совершенно справедливо.

Причина этой ссоры была самая литературная. Она, правда, нигде не названа, но установить ее очень легко. В сентябре 1817 г. вышли в свет «Сочинения» В.А. Озерова, к которым в качестве предисловия была предпослана большая статья П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова». Здесь, в частности, говорилось: «...в Поликсене взята обильная дань с Илиады, и в этом смысле можно, по выражению Эхила, назвать ее барельефом пиршеств Гомера» [Озеров, 1817, ч. 1, с. XLV; ср.: Вяземский, 1982, т. 2, с. 35]. Арзамасцы читали эту статью еще в рукописи (в частности, Пушкин в 1817 г.: [Пушкин, 1936–1958, т. XII, с. 213–242]), но данное суждение не привлекло их внимания. Однако в 1820 г. П.А. Катенин упомянул «барельефы пиров Гомеровых» в числе других ошибок современных писателей [Ответ на замечания господина Р. З., 1820, с. 228; ср.: Катенин, с. 175]. Прочитав замечание Катенина, Вяземский писал

Пушкину 19–20 февраля 1820 г.: «Поздравь, мой милый сверчок, приятеля своего N.N. с счастливым испражнением барельефов пиров Гомера, которые так долго лежали у него на желудке <теперь мы знаем, что с 1817 г.>. Признаюсь, я вложил Эхилу выражение ему чуждое. Проклятый, хотя и святой отец Брюмоа ввел меня в соблазн; он сказал: „C'est une justice, que ses piéces n'étaient que fes reliefs des festins étalés dans l'Iiade et l'Odissée“ <В этом ему отдавал справедливость даже сам Эхил, имевший обыкновение говорить про свои пьесы, что они – лишь остатки от пиров, раскинутых в „Илиаде“ и в „Одиссее“>. Увлеченный поэтическим смыслом уподобления (а на проверку выходит: вымысла моего), я позабыл справиться или лучше сказать не позаботился справиться с другим источником, или по крайней мере с французским словарем, который, сказавши мне, что *reliefs* <остаток со стола; relief – рельеф> на языке старинном значит: *restee de viandes* <объедки>, меня избавил бы от преступления против Эхила, а желудок г-на N.N. от *барельефов*, которые, легко сознаюсь с ним, не так скоро переваришь, как мясные объедки» [Пушкин, 1936–1958, т. XIII, с. 12, 522 (перевод)]. Пушкин так отвечал Вяземскому около (не позднее) 21 апреля 1820 г.: «Я читал моему преображенскому приятелю – несколько строк, тобою мне написанных <...> и поздравил его с счастливым испражнением пиров Гомеровых. Он отвечал, что <— — — —> твое, а не его. Желательно, чтоб дело на этом остановилось...» [Пушкин, 1936–1958, т. XIII, с. 14]. Препирательство двух заядлых спорщиков на самом деле прекратилось: у них еще в 1817 г. всё перегорело. Но память о конфликте осталась: включая в 1878 г. статью об Озере в свое «Полное собрание сочинений», Вяземский убрал это упоминание о «барельефах пиршеств Гомера» [Вяземский, 1982, т. 2, с. 35].

Чтобы завершить сюжет, вернемся к ссылке Вяземского на французского писателя Брюмоа, цитата из которого и привела Вяземского к невольной ошибке.

В поэмах Гомера на самом деле часто упоминаются и описываются пиры, хотя меню их вовсе не разнообразно: у богов нектар и амброзия, у смертных – жареные быки и бараны. В девяти первых песнях «Илиады» пиры упоминаются восемь раз. Это не прошло мимо внимания читателей последующих поколений. Уже в так называемом «споре в древних и новых» – эстетической полемике во Франции XVII в. о том, кто выше: древние авторы или современные, – уже в этом споре сторонники «новых» упрекают Гомера, что у него боги сами готовят себе пищу [Спор о древних и новых, 1985, с. 158, 354, 389; сочинения Ш. Перро, А. Удара де ла Мотта, А. Дасы].

Эта полемика актуализировала пиры Гомера для творческого сознания многих последующих поколений. В частности, И.Ф. Богданович в своей знаменитой и памятной всем в пушкинские времена «Душеньке» отдал дань этой теме и Гомеру:

О если б ты, Омир, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец.
Возможно ль изъяснить достойно,
Великолепие пиров,
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно? [Богданович, 1774, с. 7].

Но когда сам Пушкин писал о пирах Гомера в «Евгении Онегине», он вспоминал не только о самих этих пирах и Богдановиче. Пушкин хорошо понимал, что в своем романе он часто упоминает пиры:

И к статье я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир! [Пушкин, 1936–1958, т. VI, с. 113–114].

Пушкин вспоминал, хотя и в самой деликатной форме, и о «споре древних и новых». Свообразным аналогом этого спора в России начала XIX в. была, как известно, полемика шишковистов и карамзинистов, архаистов и новаторов, участниками которой был и Грибоедов, и Пушкин [Ионин, 1981]. А завершением этой полемики была ссора Катенина и Вяземского.

Самое вразумительное объяснение дуэли Катенина и Вяземского дал Пушкин, чью характеристику литературной позиции Катенина можно применить и к литературной позиции Вяземского: «Он опоздал родиться – и своим характером и образом мыслей, весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же

литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь» [Пушкин, 1936–1958, т. XIII, с. 15].

2

Второй эпизод связан с письмом Грибоедова к С.Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г. (письмо это тем более ценно, что оно осталось единственным от первых восьми месяцев этого года). Грибоедов описывает разговор с министром иностранных дел графом К.В. Нессельроде, который состоялся 12 апреля. Нессельроде отправлял Грибоедова с дипломатической миссией в Персию, а тот пытался придумать препоны для этого: сначала просил повышения на два чина, потом перевел разговор к внеслужебной деятельности: «...я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиятцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен, словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя бы несколько соразмерного возмездия.

– Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

– Нисколько, в<аше> с<иятельство>. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 16–17].

Этот диалог вольно или невольно (скорее невольно, потому что Нессельроде едва ли был в курсе литературных дел) совпадает с одним спором, который состоялся в 1808–1810 гг. между тремя будущими арзамасцами: Д.П. Севериным, В.А. Жуковским и К.Н. Батюшковым. Грибоедов, кстати, мог тоже не помнить его как таковой, но он, бесспорно, был в курсе существующих точек зрения.

Итак, в 1808 г. в журнале «Вестник Европы» были опубликованы статьи Северина и Жуковского о положении писателя в обществе. Свою статью (это либо перевод с французского, как указано в подзаголовке, либо мистификация перевода) Д.П. Северин начинает так: «Положение писателя в обществе чрезвычайно затруднительно: он должен забыть на время свое авторство, и быть просто человеком светским. Несмотря на то, желают, чтобы он оправдывал авторскую славу свою; в противном случае скромность его представлена будет с худой стороны завистию» [Вестник Европы, 1808, ч. XII, № 22, с. 112]. И вся пространная статья посвящена обоснованию данного тезиса. В

1808 г. казалось, что наибольшая сложность для писателя заключена в том, чтобы забыть авторство и быть простым рядовым человеком. Северин считал, что «писатель презирает успехи в обществе и не берет на себя труда блистать перед теми людьми, которых не признает своими судьями». Более того, «ум на письме есть сущая противоположность уму в разговоре», и потому наделенный «умом на письме» автор теряет в разговоре всю свою привлекательность. Отсюда делается вывод, что «видеть свет прилично только такому автору, который желает его описывать» [Вестник Европы, 1808, ч. XII, № 22, с. 115, 116, 117].

Жуковский возражал Северину: «...писатель, наравне со всеми, может с успехом играть свою роль на сцене большого света», полагая под «большим светом» «круг людей отборных – не скажу лучших – превосходных перед другими состояниями, образованностью, саном, происхождением» [Вестник Европы, 1808, с. 118, 118–119; ср. также: Жуковский, т. IV, с. 393]. Кроме того, «писатель светский человек, будучи всегда в свете, не может возбуждать особенного внимания именно потому, что лицо его уже знакомо и что он играет одинакую роль со всеми: роль собеседника, применяющего к другим своим обхождением, свою наружность, своим тоном». Более того: «писатель имеет в обществе существенное преимущество пред людьми, более светскими; он может порядочнее и лучше мыслить» [Вестник Европы, 1808, с. 124, 125; ср.: Жуковский, т. IV, с. 396].

А в 1810 г. в том же «Вестнике Европы» Батюшков (атрибуцию этого сочинения Батюшкову см.: [Из литературного наследия К.Н. Батюшкова, 1986, с. 150–155; Кошелев, 1989, с. 466]) откликается на полемику Жуковского с Севериным и повторяет вопросы: «Должно ли поэту знать совершенно свет? Должно ли поэту обращаться в кругу людей светских, или в кругу собратий?» Ответы Батюшкова более диалектичны: «Я становлюсь на сторону тех, которые скажут, что совершенное, глубокое, тонкое познание света вредно для стихотворца», ибо «вся эта светская наука сушит сердце и душу; а они суть истинные, неистощимые ключи поэзии». Вместе с тем «писателю должно быть иногда в большом свете, который есть единственная школа учтивости и так называемого хорошего тона». И, наконец, «писателю обращаться в кругу собратий нужно и должно» [Батюшков, 1989, с. 266, 269, 270].

Вся эта проблематика через двадцать лет откликнулась в «Египетских ночах» Пушкина (см. об этом: [Строганов, 1993, с. 71–78;

Строганов, 2004, с. 314–321]). Но уже через восемь лет – в споре Грибоедова с Нессельроде. И самой близкой для него оказалась точка зрения Жуковского. Ни спор Северина, Жуковского и Батюшкова, ни разговор Нессельроде с Грибоедовым нельзя признать собственно романтическими. Исходя из «направленческих» характеристик, мы должны были бы признать сугубым романтиком практика, дипломата и политического спекулянта Нессельроде, утверждающего, что поэт «в уединении» «усовершенствует свои дарования». Ведь это предвосхищает знаменитую формулу «ты гений свой воспитывал в тиши»! Но на самом деле здесь следует видеть не литературную, а житейскую подоплеку: Нессельроде должен любыми средствами удалить из Петербурга Грибоедова, который хочет любыми средствами избежать этого. И литература здесь ни при чем. Внешнее совпадение формул: с одной стороны, Нессельроде, Грибоедова – и, с другой, Северина, Жуковского и Батюшкова не означает их обязательной внутренней переклички.

Или означает? – Ведь язык культуры одинаков и для внутрилитературного, и для литературно-бытового поведения. Грибоедова понять можно: уезжать из Петербурга он, естественно, не хочет. В этой ситуации какие только предлоги не придумаешь. А тут и думать особенно не надо: они уже выработаны самой культурой. Но в таком случае эта связь имеет не эволюционный характер, а генетический, то есть полемика и спор связаны не общим происхождением, а не зависимостью друг от друга. И в этом случае не бытовой разговор поясняет литературную полемику Северина, Жуковского и Батюшкова, а литературная полемика их является комментарием к бытовому спору Нессельроде и Грибоедова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Арзамас»: Сборник: в 2 кн. / Под ред. В.Э. Вацура, А. Л. Осватата. – М.: Художественная литература, 1994. Т.1. – 608 с.; Т. 2. – 640 с.

Батюшков, К.Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1 / Сост., подготовка текста, вступит. статья и комментарии В.А. Кошелева. – 511 с.

[Богданович И.Ф.] Душенька. Древняя повесть в вольных стихах. – СПб., 1774.

Вестник Европы. 1808. – Ч. XII. № 22, ноябрь.

Вяземский, П.А. Сочинения: В 2 т. / Сост., подготовка текста, вступит. статья и комментарии М.И. Гиллельсона. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – 383 с.

Грибоедов, А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. / Главный ред. С.А. Фомичев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 3. – 686 с.

Жуковский, В.А. Собрание сочинений: в 4 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1960. – Т. IV / Подготовка текста и примечания И.Д. Гликмана.

Из литературного наследия К.Н. Батюшкова / Публикация В.А. Кошелева // Русская литература. 1986. – № 1. – С. 150–155.

Ионин, Г.Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800–1810 годов // XVIII век. Сборник 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Наука, 1981. – С. 192–204.

Катенин, П.А. Размышления и разборы / Сост., подготовка текста, вступит. статья и примечания Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1981. – 374 с.

Кошелев, В.А. Комментарии // Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. – 511 с.

Озеров, В. Сочинения. – СПб.: В тип. Имп. театра, 1817. – Ч. 1. – 145 с.

Ответ на замечания господина Р.З. // Сын отечества. 1820. – Ч. 59. № 5. – С. 227–231.

Пушкин. Полное собрание сочинений: в 17 т. – [Л.]: АН СССР, 1936–1958.

Пушкин, Василий. Стихи. Проза. Письма / Сост., вступит. статья и примечания Н.И. Михайловой. – М.: Советская Россия, 1989. – 367 с.

Спор о древних и новых / Сост., вступит. статья В.Я. Бахмутского. Комментарий В.Я. Бахмутского, Н.В. Наумова. – М.: Искусство, 1985. – 471 с.

Строганов, М.В. О литературной позиции Грибоедова // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М.: Новое литературное обозрение, 1995–1996. – С. 138–146.

Строганов, М.В. Еще о литературной позиции Грибоедова // Пушкин и другие: Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. – Новгород: Новгородский гос. ун-т, 1997. – С. 180–187.

Строганов, М.В. Из истории литературных отношений Грибоедова и Пушкина, или О «человековедении» как методе истории

литературы // А.С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Выпуск 9. – Смоленск: Б. и., 2008. – С. 72–93.

Строганов, М.В. Современные задачи изучения Грибоедова и как к ним подойти // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8885>. Интернет-конференция «А.С. Грибоедов. Итоги и проблемы изучения», 2009.

Строганов, М.В. Вновь о литературной позиции А.С. Грибоедова // А.С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Выпуск 10. – Смоленск: Б.и., 2010. – С. 152–158.

Строганов, М.В. «Египетские ночи» // Незавершенные работы А.С. Пушкина: Материалы научной конференции. – М.: Б.и., 1993. – С. 71–78.

Строганов, М.В. О Пушкине: Статьи разных лет. – Тверь: Золотая буква, 2004. – С. 314–321.